

определилась и, пожалуй, временно взяла верх скептическая точка зрения: если законы не в состоянии повлиять на порочных людей, то тем более бессильна поэзия. Правда, деятельность Сумарокова, Фонвизина и Новикова в 1760—1770-е годы упрочила позиции социальной сатиры. В своей «Сатире 1 и последней» (1777) Капнист вновь обращается к этому вопросу:

Когда ж духовные и светские законы
Не могут правами власть глупости унять,
Так что ж осталось? — ей зеркало казать,
В которое взглянув, себя бы устыдилась.

(Стр. 126).

В поэзии конца XVIII—начала XIX века, несмотря на не особенно большие размеры своего дарования, Капнист шел своим особым путем, своими тропами, внося новые элементы в литературную жизнь того времени.

В области языка ему приходилось преодолевать современные штампы. Под влиянием Державина, который любил редкостные старославянско-библейские сочетания, вроде «трислаты злобы», мы находим у Капниста такие выражения, как «истнить», «сляченый», «коснит», «всежруща тлень». И тут же рядом фразеология, которую создавал параллельно с Капнистом Муравьев, а позже Карамзин и Жуковский: «унылый», «томный», «унынье», что так свойственно было сентиментальной школе на рубеже XVIII—XIX веков.

Эта же двойственность характерна и для других сторон творчества Капниста. Наряду с шаблонным, лишенным индивидуальных черт пейзажем, характерным для классицизма, мы находим у него особую линию в изображении природы. У него встречаются лунные пейзажи, совершенно не напоминающие оссиановского пейзажа, столь привычного в 80—90-х годах XVIII века. В «Обуховке» он пишет:

Нет, нет; оставим труд напрасный,
Уж солнце скрылось за горой;
Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыблются в реке волной.

Всхожу на холм; — луна златая
На легком облаке всплыла,
И, верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела.

(Стр. 163).